

*А.П. Корелин,
доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН*

Политический кризис в России в начале XX в.

Проблема политического кризиса в России в начале нашего столетия имеет достаточно обширную историографию¹. Причем до сих пор существуют различные точки зрения на причины, природу и характер динамики этого явления, кульминацией которого явилось становление законодательного представительства, тот институциональный кризис, который возник в ходе этого процесса между старыми и новыми властными структурами. Исследование этой проблемы, имеющей не только научную, но и практически-политическую значимость, требует углубленного структурного анализа, позволяющего полнее познать истоки кризиса, его динамику, формы проявления, расстановку социально-политических сил, возможные пути его решения.

Глубинные причины кризиса коренились помимо объективных, спонтанных процессов социально-экономического развития России в пореформенное 40-летие также и в самой внутренней политике самодержавия, поставленного перед необходимостью модернизации экономики, неизбежно ведшей к ломке традиционных социальных структур и формированию новых, буржуазных традиций. В России, как и в большинстве стран с авторитарными режимами, монархи-самодержцы оказывались какое-то время едва ли не главными двигателями реформ. На этом пути, как известно, были достигнуты определенные успехи. Но это же обстоятельство обусловило и характер преобразований, их ограниченность. Развитие общества, усложнение его потребностей со временем неизбежно потребовали модернизации и политической надстройки. Только постепенные, но последовательные и комплексные структурные реформы могли обеспечить сравнительно бесконфликтную эволюцию страны. Пореформенная история России показывает, как волею обстоятельств, в результате политики правящего режима эти две линии все более расходились, порождая углублявшиеся конфликты между всеми слоями и группами русского общества, между обществом и властью.

¹ *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968; *Он же.* Царизм и IV Дума. М., 1981; *Он же.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985; *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1907—1911 гг. Л., 1979; *Он же.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Л., 1988; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981; *Он же.* Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг. Л., 1990; и др.

К началу XX в. самодержавие стало в большей степени утрачивать преобразовательский потенциал. Инициатива преобразований постепенно перешла к общественности, все настоятельнее требовавшей реформирования политической надстройки, ее демократизации и децентрализации. Стало набирать силу движение социального протеста (рабочее, крестьянское, студенческое), возникали политические партии, организации. Первое открытое и массовое выступление оппозиции (земская "банкетная кампания" осени 1904 г.) заставило правительство как-то отреагировать на ее требования. Всепогоднейший доклад от 23 ноября 1904 г. нового министра внутренних дел П.Д.Святополк-Мирского, сменившего убитого В.К.Плеве, был, в сущности, второй после преобразований 60—70-х годов попыткой продолжить реформирование важнейших сторон государственной жизни страны — от введения законо-совещательного народного представительства, более точного разделения ветвей власти, образования кабинета министров до пересмотра всей системы местного управления и суда; от обещаний пересмотра социального законодательства до представления населению гражданских прав и политических свобод. Однако указ от 12 декабря 1904 г. значительно урезал эту программу, проигнорировав вообще пункт о народном представительстве¹.

Трудно представить, как пошло бы дело с реализацией остальных обещаний, если бы не серия поражений в русско-японской войне, а главное — если бы не события революции 1905—1907 гг. Оказавшись перед лицом смертельной опасности, правительство бросалось из крайности в крайность — от жесточайших репрессий до прямых уступок и обещаний реформ, зачастую продиктованных просто отсутствием достаточных военных сил. На первый план вышли политические реформы, вырванные революционным натиском, но данные прежде всего с целью заручиться содействием "верхних" классов именно для борьбы с революцией. И в целом маневр удался, внеся раскол в ряды революционных и оппозиционных сил. Однако при этом самодержавию пришлось пойти значительно дальше недавних сравнительно скромных требований либералов. Менее чем за полтора года Россия получила то, на что другим странам потребовались десятилетия — двухпалатное законодательное представительство, объединенный кабинет министров во главе с премьером, новую редакцию Основных законов, ставших фактически первой российской конституцией и декларировавших предоставление населению гражданских и политических прав и т.п., "проскочив" при этом ряд переходных стадий процесса формирования представительского строя.

Формально Основные законы, утвержденные императором 23 апреля 1906 г., превращали Российскую империю в дуалисти-

¹ Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 158—166.

ческую монархию, хотя и сохранявшую огромные преимущества короны по отношению к Государственному совету и Думе, но все же предполагавшую обязательное участие их в законодательном процессе и наделявшую их определенными рычагами воздействия на правительство. Однако ни у современников, ни у исследователей не оказалось единого взгляда на природу российского государственного строя того времени. Это объясняется как противоречивостью законодательных актов, так и сложившейся административной практикой, стремлением верховной власти, правящих верхов модернизировать приемы управления при сохранении в возможно более полном виде старого политического режима. К тому же преобразования затронули в основном высшие властные структуры, в то время как местный управленческий аппарат практически оставался неизменным, предоставляя простор для административного произвола¹.

Либералы, признавая октроированный характер российской конституции, рассматривали сложившийся строй как дуалистическую монархию, эволюционировавшую в монархию конституционную парламентского типа. Умеренно-правые, также считая представительный строй дарованным монархом, готовы были удовлетвориться и совещательным характером представительства при властном, но подзаконном монархе. Ультраправые выступали за реставрацию в полном виде неограниченной монархии, левые радикалы — за свержение существующего режима, а установившийся строй и те, и другие считали лжеконституционным.

Из различной оценки сущности этой системы вытекали политическая стратегия и тактика по использованию представительных учреждений. Николай II в отношении форм государственного управления Россией твердо придерживался принципов, четко сформулированных еще при восшествии его на престол К.П.Победоносцевым, главным идеологом и теоретиком самодержавия последних царствований². Исходным положением этой теории было признание неограниченной монархии как наилучшей и пока единственно пригодной для России формы правления. Вслед за К.П.Победоносцевым Николай II считал, что парламентская форма правления, демократия и сама конституция — "великая ложь нашего времени" и что только самодержавие дает возможность реализовать насущные нужды государства, обеспечить его единство и силу, гарантировать личные права и свободы подданных в рамках законности. Император, вынужденный в ходе революции пойти на уступки, о чем он

¹ См.: Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861—1914 гг) // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 226—297.

² Соловьев Ю.Б. Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 316—317.

неоднократно высказывал сожаление, по-прежнему считал, что Россия не готова к восприятию западноевропейских форм управления. Однако в силу ряда внешне- и внутривластных соображений он вынужден был пытаться налаживать сотрудничество с народным представительством, не оставляя, впрочем, мысли при удобном случае вернуться к "старине". Важно отметить, что наряду с необходимостью поддерживать имидж цивилизованной европейской страны в международных отношениях, невозможностью использовать устаревшие приемы управления в условиях усложнявшейся социально-экономической жизни страны немалую роль сыграло и ослабление надежной социальной опоры самодержавного строя. Дворянство продолжало стремительно обезземеливаться и расслаиваться. Причем не только в социально-экономическом, но и в политическом отношении. Об этом свидетельствовала позиция земско-городских съездов, требовавших политических реформ, а также поддерживавших эти требования совещаний губернских предводителей дворянства и даже некоторых лиц в придворных и правительственных кругах. Революция показала, что и крестьянство перестает быть опорой режима. Первые две Думы продемонстрировали беспочвенность расчетов на поддержку крестьянства и вообще на сотрудничество с таким народным представительством. Избирательный закон 3 июня 1907 г., казалось, давал возможность создать в Думе большинство, близкое к власти. Но и это, как вскоре выяснилось, не гарантировало полного взаимодействия правительства и верховной власти с народным представительством, хотя в нем оказались заинтересованы почти все политически активные силы, так или иначе пытавшиеся использовать его в своих интересах.

Сложившаяся система "сдержек и противовесов", основывавшаяся на использовании в Думе механизма двух большинств (реформаторского и охранительного), а также на возможностях двухпалатной системы, в которой Государственному совету отводилась роль чистилища законопроектов как от либеральных "увлечений", так и от "перегибов" справа, открывала поле для сотрудничества верховной власти с представительными учреждениями при сохранении прерогатив короны. Опыт III Думы, работавшей в условиях относительной стабильности, казалось, свидетельствовал в пользу такого сотрудничества. За пятилетие своего существования Дума обсудила и приняла около 2200 законодательных актов. Правда, такое их обилие объяснялось той самой законодательной "вермишелью", которой постарался загрузить народное представительство П.А. Столыпин, ссылаясь на необходимость приобретения им опыта. Но при этом премьер демонстративно заявлял о том, что это представительство не имеет ничего общего с парламентаризмом, вызывая тем самым ответные действия либеральной оппозиции.

По сравнению с общей массой принятых законов число отклоненных, откорректированных или задержанных было невелико: отклонено 32, остались неутвержденными 3 и 37 не были рассмотрены вообще. Однако среди отклоненных были важнейшие законопроекты о местном управлении и самоуправлении, о суде, о свободе совести и т.п., составлявшие важнейшие пункты столыпинской программы реформ¹. Причем при проведении этой программы П.А.Столыпину пришлось неоднократно идти на конфликт и с Думой, и с Государственным советом, использовать так называемое указное право (по ст. 87), нарушая законодательство, и в конечном счете уступить по ряду важнейших позиций под давлением справа. В этом плане правительственная программа, вопреки распространенному мнению о стабилизации общественной жизни в стране, скорее обострила политическую ситуацию. Обсуждение законопроектов проходило в острой борьбе различных политических лагерей и партий. Либеральную оппозицию (кадеты, октябристы) не устраивал отказ правительства от реализации обещаний, данных в Манифесте 17 октября 1905 г. и многочисленные нарушения законности. Правые, наоборот, видели в реформах угрозу существующему строю и тоже обвиняли премьера в нарушениях законов. Третьюньская система все чаще давала сбой, что свидетельствовало о нарастании нового витка политического кризиса.

С осени 1910 г. вновь осложнилась обстановка в стране, прежде всего в городах. Наблюдалось оживление рабочего движения, уже насчитывавшего миллионы участников. Известный Ленский расстрел потряс все общество. В деревне еще не было массовых открытых выступлений, но полицейские источники сообщали о назревании глубокого недовольства и о возможном всплеске бунта. Обострялся национальный вопрос (Польша, Финляндия). Попытка отвлечь массы антисемитской пропагандой не имела успеха. Дело Бейлиса стало полицейской "Цусимой".

В таких условиях были проведены выборы в IV Думу. Благодаря усилению властей, она оказалась по составу значительно правее предыдущей. Но как это ни парадоксально, эта правая Дума была даже более оппозиционной, чем III Дума. Провал столыпинского курса реформ подорвал позиции октябристов, бывшей проправительственной партии, и она рассыпалась, как и партия националистов, на ряд соперничавших между собой групп, ставших тем не менее в оппозицию правительству. Кадеты в поисках союзников вынуждены были все чаще смотреть "налево", выдвинув, в частности, откровенно демонстративные требования (всеобщее избирательное право, гарантии гражданских и политических прав и т.п.),

¹ Обзор деятельности Государственной Думы третьего созыва. 1907—1912 ч. I. СПб., 1912. С. 325—326, 329—338, 407—408.

неприемлемые для власти. Правые откровенно жаждали реванша, критикуя правительство и даже монарха за нерешительность. Все думские фракции (по совершенно различным причинам) остались недовольны правительственной программой, с которой выступил В.Н.Коковцов, сменивший П.А.Столыпина. Стремясь к компромиссу, премьер попытался учесть полярно противоположные политические требования, что свидетельствовало об отсутствии у правительства четкого политического курса. Упор был сделан на меры по улучшению экономического положения важнейших слоев населения. Но это, как и реализация столыпинской программы, требовало значительных средств, которыми правительство, особенно в преддверии мировой войны, не располагало, что обрекало этот курс на неудачу.

Среди исследователей нет единства в определении причин свертывания реформ. Одни склонны видеть их в назревании новой революционной ситуации (верхи хотели дать реформы, но не могли, опасаясь революции), другие главную причину видят в нежелании верховной власти и дворянства поступиться своими прерогативами, в неприятии ими конституционных форм правления. Видимо, имело место и то, и другое. Не малое значение имела и расстановка политических сил.

В целом IV Думе не удалось преодолеть разнь даже между близкими по политическим платформам лагерями, несмотря на все усилия фракции прогрессистов. Сама же партия деловой буржуазии, оформившаяся в 1912 г., была еще слаба из-за отсутствия собственной массовой базы.

К осени 1913 г. ситуация вновь обострилась. Нововременский публицист А.А.Столыпин, брат убитого премьера, с тревогой отмечал появление знакомых признаков общественного возбуждения, предшествовавших революционному взрыву. Общество, по его мнению, "возвращается к психологии 1902—1903 гг., чувствуется возврат к состоянию знакомого политического психоза, своего рода эпидемии"¹. Власти металась в поисках выхода, не останавливаясь перед проектами роспуска Думы или превращения ее в законосовещательный орган. Причем главной опасностью признавались не столько массовые явления, с которыми власти надеялись справиться традиционными репрессивными мерами, сколько именно Дума, которая могла бы стать политическим центром движения². Однако этот замысел так и не был осуществлен. Видимо, сказалось и нежелание углублять конфликт между властью и обществом, и опа-

¹ Новое время. 1913. 28 сент.

² Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л., 1927. С. 92, 93—94; Кризис самодержавия в России. С. 526; Археографический ежегодник за 1987 год М., 1988. С. 310—311.

сения срыва ведшихся в то время переговоров об очередном заграничном займе... Правда, позднее 11 июля 1914 г., в связи с рабочими выступлениями в обеих столицах было введено положение чрезвычайной охраны. Разразившаяся мировая война на некоторое время вызвала рост патриотических настроений и сняла остроту кризиса. Однако, как известно, гражданский мир продолжался недолго.

И тем не менее к кануну войны, видимо, еще не были окончательно утрачены возможности мирного, эволюционного пути развития страны. Складывавшееся российское государственное устройство представляло собой переходную политическую систему, находившуюся в состоянии неустойчивого равновесия. С одной стороны, верховная власть и полностью ей подчиненная исполнительная располагали всей мощью государственного аппарата, огромным собственным экономическим потенциалом в виде государственного сектора экономики и еще могли опираться в значительной мере на неподвижность и политическую пассивность огромной массы населения, использовать раздробленность политически активной его части. Стремление верховной власти к сохранению своих прерогатив также не было беспочвенным: оно опиралось на сравнительно низкий материальный, культурный и политический уровень основной массы населения, на обширность и многонациональность империи, что наряду с сохранением традиционных укладов являлось питательной почвой для сохранения авторитарного режима.

С другой стороны, возникшие представительные учреждения при всей противоречивости Основных законов объективно создавали политико-правовое поле для становления гражданского общества и правового государства. Они не только встраивались в существовавшие государственные структуры, но и начинали активно выстраивать собственную политическую систему, становясь центром притяжения общественных сил и заметным фактором развития всей политической жизни страны, способствуя подъему уровня политической культуры и власти, и электората. Дума стала важным фактором в процессе формирования многопартийной системы, ее легализации и способствовала появлению новой политической элиты. Законодательные и бюджетные полномочия народного представительства, несмотря на известные ограничения, все же предоставляли обществу новые возможности влияния на экономическую и социальную политику правительства. Все это при нормальных условиях, и учитывая влияние объективных внутренних и внешних факторов, казалось, создавало возможность постепенной трансформации российской империи в конституционную монархию.

Наряду с этим сказывались и особенности состояния российского общества. Сословный эгоизм и консерватизм помещичьего дворянства, социально-политическая недалекость российской

буржуазии и, конечно, недостаточно высокий социально-экономический и общий культурный и политический уровень основной массы населения представляли мощный депрессивный фактор, тормозящий буржуазную модернизацию страны. Чрезмерный радикализм как правой, так и левой оппозиции, нежелание поиска возможностей конструктивного сотрудничества с правительством, чрезмерная торопливость в подгонке глубинных процессов к порой абстрактным программным схемам привели к тому, что представительные учреждения все более превращались в политическую трибуну для различных партийно-политических сил, а их созидательная деятельность отходила на задний план. Требовалось время, чтобы процесс формирования гражданского общества и правового государства набрал силу и стал необратимым. Пока же события развивались так, что ход их был на руку революционерам. Сознвая опасность нового социального взрыва, власть и оппозиция делали порой диаметрально противоположные выводы. Правительство, взяв курс на удовлетворение первоочередных материальных и культурных требований масс, фактически затормозило политические преобразования, считая их несвоевременными. Оппозиция делала ставку на активизацию процесса политического реформирования, пытаясь таким образом предотвратить революцию. Раскол в российском обществе продолжался, что в какой-то мере позволяло правительственному лагерю до поры до времени удерживать свои позиции.